

Д. М. Балашов.

Русская словесность

Словесное искусство существует в двух формах: генетически более ранней – устной, когда произведение передается от певца (или рассказчика) к певцу, не фиксируясь на письме, и в письменной, генетически позднейшей, но только вот именно генетически. В реальном бытии обе эти формы с момента изобретения письменности сосуществуют и обмениваются друг с другом, устное творчество зачастую фиксируется на письме, а письменное вновь уходит в устное бытование (простейший пример – песня, сочиненная автором-профессионалом, но ставшая с течением времени популярной и безымянной). Устная память, при всей своей мощи, не удерживает того, что вышло из поэтического обихода. Многие образцы устного творчества, легшие ныне в основание мировой культуры слова, были бы безвозвратно утеряны (ежели бы их не записали). Таковы, к примеру, «Шицзин» – сборник китайских народных песен, сохраненный благодаря трудам Конфуция, эпические поэмы Гомера, записанные по повелению афинского тирана Писистрата, ирландские саги, зафиксированные заботливыми монахами, спасшими от забвения одну из величайших человеческих культур; и так далее. Нередки случаи «обратного», так сказать, движения: христианская литературная традиция породила и на Руси и на Западе целый жанр «духовных стихов», баллад и песен с религиозной сюжетикой. Народные баллады Запада, в частности, английские, обработанные поэтами и переведенные нашими поэтами на русский язык, вторично «спустились в народ», породив жанр позднейших русских баллад (типа «Хазбулат удалой» и прочие) и так называемых «мещанских романсов» XIX-го столетия. Дело еще и в том, что до появления романа русская народная поэзия не знала сольной лирической песни, все лирические песни были хоровыми, а манера их исполнения

«органическое многоголосье», вообще явилось исключительным явлением в мировой вокальной культуре. Романс ответил потребности сольного, индивидуального пения (под гитару).

С другой стороны, письменная профессиональная литература постоянно обращается к устной народной традиции, заимствуя и перерабатывая очень и очень многое из этого бездонного кладезя. Такие создания нашей старой литературы, как «Горе-злочастие» или «Повесть о Ерше, сыне Щетинникове» – порождены фольклором. Замечательная поэма Лермонтова «Песня про купца Калашникова» вся основана на метрике и образной системе наших древних баллад. Не забудем и «сказок» Пушкина, и «частушечной» метрики поэм Твардовского. Да и весь Есенин вне фольклорной традиции, по сути, был бы невозможен, как и Клюев, как и, уже в наши дни, Рубцов.

При всех этих взаимовлияниях устное творчество (фольклор) сохраняет свое принципиальное отличие от творчества письменного (авторского, профессионального) – фольклор безличен. Его произведения не только «не имеют автора» (точнее, он всегда неизвестен), но и не имеют такого стилистического отличия, как авторская манера. Точно так же, как персонажи фольклора, все эти добрые молодцы, красные девицы и т.п., не имеют индивидуального психологического портрета, герои фольклора всегда «типы» и никогда не «характеры». Литературе письменной, профессиональной, напротив, всегда присуще стремление к описанию индивидуального, неповторимого, к описанию характеров, и, вместе с тем, к выражению особой, авторской манеры повествования, авторского стиля.

Классический крестьянский фольклор в наши дни умирает, ибо разрушается сама жизнь, его породившая. Но это не значит, что устное художественное слово отомрет вообще. Оно так же не отомрет, как не отмирает и сам язык, и постоянно будет оплодотворять авторов – профессионалов. Более того, возможны и «возвращения» традиционных форм устной поэзии. Так, в наши дни, в связи с подъёмом казачества, оживает, как бы приобретая второе дыхание, хоровая казачья песня.

К сожалению надо сказать, что записывать произведения устной словесности (фольклора) мы начали поздно, в основном уже в XIX столетии, зачастую уже слишком поздно, потеряв, тем самым, очень многое из наших прежних богатств: Древний русский эпос, например, дошёл до нас в скудных отрывках, а дохристианская мифология так и вовсе не дошла.

Письменной литературе повезло больше, хотя и то сказать – в пожарах русских городов, в безвременьи XVIII-го – начала XIX веков, когда был потерян всякий интерес к русской древности, столь многое погибло, что наличный состав древне-русской (допетровской) словесности мы должны почтёшь лишь скромным отрывком великой литературы наших прадедов.

Разумеется, за протекшие века понятие литературы (или словесности, изящной словесности, поэзии) многократно изменялось. Древние письменные сочинения обычно не имели автора (точнее, он не подписывался), как летописцы, например, или автор «Слова о полку Игореве». А летописи писали подчас выдающиеся таланты! Да, кроме того, в случае исторического повествования историк и писатель являлись одним и тем же лицом. Оратор и поэт, оратор и проповедник так же долго не

разъединялись друг с другом. «Слово о полку Игореве» это именно «слово», политический призыв, учительное сочинение подобно тому, как «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона было и «словом», ораторским произведением, и проповедью. Сочинения именно литературные, отъединенные от истории, как таковой, появляются у нас очень поздно, уже на пороге нового времени, когда, собственно, является и светская литература, создаваемая, ежели это не перевод, на основе опять же фольклорных, сказовых форм. Расцвет русского профессионального искусства в XIX столетии породил представление о том, что литература наша и вообще-то началась с Пушкина, ну, не с Пушкина, так с Ломоносова. Однако это далеко не так. И ежели мы спросим, а что же общего в нашей литературе древней и новой, то опять должны будем обратиться не к образцам словесности XVIII-го столетия, а к тем двум гениальным памятникам, которые стоят в начале фиксированного авторского творчества на Руси – к «Слову о полку Игореве» и к «Слову о законе и благодати».

Та горячая заинтересованность в бытии русской государственности, столь гениально выраженная в «Слове о полку Игореве» и та связь личного (лично-семейного) с судьбами страны, намеченная тут в плаче Ярославны, повторены и продолжены во всей последующей русской литературе до «Войны и мира» Толстого включительно, до патриотической поэзии Блока, Есенина и Твардовского. А философская концепция Иллариона – решительное отмежевание от ветхозаветной, дохристианской традиции и утверждение, что благодать, венчающая закон – выше закона, что именно в ней, в благодати, происходит синтез законоположных норм и любви, эта концепция опять же стала основой мышления всех наших авторов, мы ее найдем и в «Капитанской дочке» Пушкина, и в творчестве Достоевского, Лескова, Тургенева, Чехова, и где угодно, всюду, где мы имеем дело с традицией именно русской прозы, которую, с этой точки зрения, можно назвать и самой христианской, самой близкой к истинным заветам Спасителя.

Единство русской словесности на протяжении веков обнаруживается и в специфике формы. Так, русская проза новейшего времени (творцом которой надо почесть всё-таки именно Гоголя, а даже не Пушкина с его «Повестями Белкина») отличается от западно-европейской, прежде всего французской, тем, что ежели стиль западного автора это «рассказ» (от Вольтера до Бальзака), то русский автор пишет «сценами», «показывает» более, чем рассказывает, т.е. чувство у него как бы господствует над логикой: показать ему важнее, чем рассказать. Но элементы той же стилевой манеры мы найдем уже и в «Слове о полку Игореве», как и в летописании нашем, особенно южно-русском (см. «Ипатьевскую летопись»).

Возможно, именно эта стилевая особенность русской литературы сыграла не последнюю роль в той мировой популярности русской прозы, которую она приобрела с конца прошлого столетия под пером Льва Толстого, Достоевского и Чехова.

Во всяком случае, говоря о русской литературе, русской словесности, нужно подчеркнуть её всегдашнюю глубину, общее стремление к постановке корневых вопросов бытия, её православный

гуманизм и государственность её мышления. Это меньше всего литература для развлечения или отдыха, и потому её бытие неотрывно от самого бытия русского народа. Можно даже и так сформулировать: мы сохранимся, пока сохраняется наша словесная культура, пока она жива и читаема. При всех замутнениях, при всех частичных (верю!) отступлениях от великих принципов своих, русская словесность, русская литература и поэзия обеспечивают жизнь русской нации ныне и продолженность этой жизни в грядущих временах.